

ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА НОВИКОВА КАК СОБЕСЕДНИЦА И.С. АКСАКОВА И К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Ольга Фетисенко

В статье впервые предпринят краткий обзор двух неизданных эпистолярных комплексов, важных для истории русской журналистики, литературы и политической жизни и сформировавшихся в одни и те же годы (1870-е – 1880-е), – переписки публицистки и общественной деятельницы О.А. Новиковой (1840–1925) с И.С. Аксаковым и К.Н. Леонтьевым. Знакомство Новиковой с Леонтьевым восходит к 1860-м гг., а с Аксаковым, вероятно, – к еще более раннему времени. Объединяла все три фигуры газета Аксакова «Русь». Новикова активно печаталась в ней и в 1882 г. опубликовала в этой газете очерк Леонтьева «Паха на Афонской горе». Автор приходит к выводу, что переписка Новиковой с Аксаковым носила более деловой характер, представляя собой диалог издателя и «внештатного» лондонского корреспондента, а переписка с Леонтьевым была более дружеской, она интересна своей внутренней психологической драматургией. На страницах писем упоминаются великие русские писатели, европейские ученые и политические деятели, обсуждаются произведения каждого из участников эпистолярного диалога. Переписка с Леонтьевым опровергает представление о Новиковой как об эгоцентричной особе «без живого внутреннего интереса» к своим многочисленным собеседникам (мнение о ней И.А. Гончарова). Научная публикация этих материалов, разбросанных по нескольким архивохранилищам Москвы и Петербурга, насущно необходима, поскольку они, с одной стороны, значительно дополняют знания о деятельности Новиковой в России («лондонская» часть ее жизни изучена в гораздо большей степени), а с другой, вносят ценные подробности в историю славянофильской журналистики.

Ключевые слова: О.А. Новикова, И.С. Аксаков, К.Н. Леонтьев, эпистолярные диалоги, публицистика.

Институт русской литературы РАН
(Пушкинский дом), Санкт-Петербург

The article for the first time provides a brief overview of two extensive and formed at the same time (1870s–1880s) epistolary complexes, which are important for studying the history of Russian journalism, literature and political life. These are the correspondence of the publicist and public figure Olga Novikova (1840–1925) with Ivan Aksakov and Konstantin Leontiev. Novikova's acquaintance with Leontiev dates back to the 1860s, and with Aksakov, probably, to an even earlier time. All the three figures were united by Aksakov's newspaper *Rus*. Novikova actively published her articles in it and in 1882 contributed to the publication of Leontiev's essay "Easter on Mount Athos" in this periodical. The author of the article comes to the conclusion that Novikova's correspondence with Aksakov had more business character, representing a dialogue between the publisher and the "freelance" London correspondent, and her correspondence with Leontiev was more friendly, it is interesting by its inner psycho-logical drama. The letters mention great Russian writers, European scientists and political figures, and discuss the works of each of the participants in the epistolary dialogue. The correspondence with Leontiev refutes the idea of Novikova as a self-centred person "without a lively inner interest" in her numerous interlocutors (as Ivan Goncharov characterized her). The scientific publication of these epistolary materials, scattered over several archival repositories in Moscow and St. Petersburg, is urgently needed, since, on the one hand, they significantly supplement the knowledge of Novikova's activities in Russia ("the London" period of her life has been studied to a much greater extent), and on the other hand, they provide valuable details in the history of Slavophile journalism.

Keywords: Olga A. Novikova, Ivan S. Aksakov, Konstantin N. Leontiev, epistolary dialogues, journalism.

Дочь знаменитой красавицы пушкинской эпохи, сестра первого героя-мученика Сербской войны 1876 г. Николая Киреева и видного церковно-общественного деятеля и публициста генерала Алексея Киреева Ольга Алексеевна Новикова (1840–1925) и сама оставила заметный след в отечественной и европейской истории и словесности. Ее политическая и культурная роль, как известно, очень велика: в 1870-е – 1880-е гг., да и позднее, она была связующим звеном между Российской и Британской империями, своего рода вольным, «внештатным» дипломатом. «Депутатом парламента от России» назвал Новикову ее английский друг и биограф Вильям Стед [14], британский же историк времен «холодной войны» выразился жестче: «мадам Ольга Новикова, пропагандист» [9]. Естественно, что в первую очередь исследователи обращались именно к «лондонской» стороне жизни публицистки¹.

В последние годы наблюдается заметный рост интереса к Новиковой, преимущественно среди женщин-историков [2, 4–8]. Появлялись и статьи с откровенно «гендерным» подходом, исследующие, как женщина ощущает себя «в мире мужской политики» [6]. В 2017 г. в МГУ защищена кандидатская диссертация Ф.М. Токтоңызовой об общественно-политической и публицистической деятельности Новиковой [5], а за несколько лет до этого в Северной Каролине – магистерская диссертация М. Меллон с беллетристически «завлекательным» названием «Друг, или роковая женщина: Ольга Новикова в британской прессе» [11].

Современники отмечали присущую Новиковой манию общения со знаменитостями (и отечественными, и – еще более – зарубежными), которых она всю жизнь «коллекционировала», почему и сохранился в нескольких архивах гигантский объем ее корреспонденций. И.А. Гончаров, сам хорошо знакомый с Новиковой, осуждал ее желание «со всеми познакомиться и обо всем поговорить, со всеми переписываться – без внутреннего живого интереса» ([13, с. 320]; письмо к И.С. Тургеневу от 15 сентября 1866 г.). И.С. Тургенев же и вовсе избегал ездить в Мариенбад [3, с. 252.], чтобы там не столкнуться с часто и подолгу жившей там «восторженницей», как он прозвал Ольгу Алексеевну [20, с. 136].

Опубликованы письма Новиковой к Ф.М. Достоевскому (немногочисленные и не очень выразительные) [17] и письма к ней Г. Бичер-Стоу, Г.-Д. Льюиса, Д. Меридита, М. Арнольда, О. Уайлда, М. Корелли, Р. Уайтинга [1], Е.П. Блаватской², И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, К.Н. Леонтьева. Из самых важных русских эпистолярных комплексов (именно комплексов – хорошо сохранившихся каждый с обеих сторон), которые ждут своего публикатора, помимо тех, о которых пойдет речь в этой статье, можно выделить переписки Новиковой с С.А. Рачинским (в вопросе народного образования Ольга Алексеевна была его последова-

¹ Лучшей, наиболее обстоятельной до сих пор остается посмертно опубликованная работа М.П. Алексеева и Ю.Д. Левина [1].

² См.: Письма Е.П. Блаватской к О.А. Новиковой (1884–1891) http://art-roerich.org.ua/sites/default/files/blavatska/HPB_O.A.Novikova.pdf; Блаватская Е.П. Письма друзьям и сотрудицам. URL: https://www.theosophist.ru/Works/HPB_Letters/HPB_letters.shtml.

тельницей), К.П. Победоносцевым, Л.А. Тихомировым, а также с ее братом, А.А. Киреевым. Вдумчивого исследования заслуживает деятельность Новиковой в России и ее русскоязычная публицистика¹. Это – дело будущего.

В Государственном литературном музее (ныне Государственный музей истории российской словесности им. В.И. Даля, далее ГЛИМ) сохранилось 100 писем и записок, в основном недатированных, Новиковой к писателю, мыслителю, публицисту консервативного направления К.Н. Леонтьеву (1831–1891) [ГЛИМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 193–195.]. Автографы 36 его ответных писем 1882–1890 гг. находятся в РГБ (все его письма теперь опубликованы в академическом собрании сочинений [15], ответные обильно цитировались нами в комментариях). От писем Новиковой не сохранилось конвертов, которые помогли бы датировке, а записки в Москве вообще доставлял ее слуга. Более всего писем уцелело за 1882 г. (26 писем Леонтьева и 32 Новиковой). Перерыв в корреспонденциях Новиковой произошел между 20 апреля 1885 г. и 26 мая 1889 г., последнее ее письмо датировано 29 сентября 1890 г., ответное леонтьевское – 19 октября 1890 г. Философу оставался еще год жизни.

Знакомство К.Н. Леонтьева с семьей Новиковых произошло в Петербурге зимой 1868/1869 г. (деверь Ольги Алексеевны был одним из старших сослуживцев Леонтьева, тогда консула в Турции). Возглас из письма К.Н. Леонтьева к его близкому другу, дипломату К.А. Губастову: «Есть сердечные дела; и еще какие!» [15, т. 11, кн. 1, с. 267] относится именно к Новиковой. Этот сюжет отразился в романе К.Н. Леонтьева «Две избранницы» (1870–1884): Новикова стала прообразом «полной москвички», протежировавшей полковника, затем генерала, Матвеева.

Возобновление знакомства произошло в Москве в 1882 г., когда обе персоны находились уже в новом статусе: К.Н. Леонтьев, переживший религиозное обращение, с 1871 г. живет по монашеским обетам, а служит на скромной цензорской должности, Новикова же теперь – самостоятельна и знаменита (и в Англии даже больше, чем в России). Узнав о приезде Ольги Алексеевны в Москву, К.Н. Леонтьев отправился к ней, не застав, оставил свою визитку и получил теплое письмо: «Константин Николаевич, меня очень тронула ваша добрая память: очень хотелось бы с Вами повидаться. Не пожалуете ли вы ко мне в *среду*, в час? Завтра я весь день не дома» [15, т. 11, кн. 2, с. 839]. Из-за болезни К.Н. Леонтьев не мог прийти сразу, но отвечал: «Ваше радушное приглашение меня так обрадовало и тронуло (я думал – Вы меня и знать не захотите, и шел к Вам *на удачу!*) – лежит у меня на столе, и я право чуть не плачу, что не могу быть у Вас *сегодня в час*. Нельзя ли выбрать какой-нибудь другой *день*...» [15, т. 11, кн. 2, с. 456]. Весьма деликатно он одновременно и напоминает о прошлом, и дает понять, что о нем далее не будет и речи, потому что это – только «гостеприимство»: «Ваше петербургское гостеприимство в 69 году оставило в душе моей неизгладимо прекрасное впечатление» [15, т. 11, кн. 2, с. 456].

¹ В статьях и диссертации Ф.М. Токтоңязовой [5] эта тема лишь слегка намечена.

Тесное общение – среднее между светским легким приятельством и самой доверительной дружбой – происходит в этом и следующем году, а также весной 1885 г. и сопровождается перепиской. «Все наскучило, кроме Вашей беседы», – писал К.Н. Леонтьев уже во второй своей записке [15, т. 11, кн. 2, с. 458]. И чуть позже: «Мне более чем скучно, мне как-то *странно*, что я так долго Вас не вижу» [15, т. 11, кн. 2, с. 465].

Старые знакомые постоянно посещали друг друга, встречались у гр. Н.П. и Е.Л. Игнатьевых, у гр. С.А. Толстой (вдовы поэта) и в других домах. Новикова тогда значительно расширила круг светских знакомств К.Н. Леонтьева¹ и вообще вернула его к жизни в тяжелый для него период уныния и безденежья. «Хоть я и не по годам слаб и болен, но все-таки с жизнью как-то не хочу расставаться; – и за это лето, благодаря Вашему влиянию, к своему литературному призванию стал опять как-то живее относиться, чем за все последние года» [15, т. 11, кн. 2, с. 471].

Скоро, впрочем, К.Н. Леонтьев начинает и жалеть об этом возвращении в свет: «...я стал как-то опять тщеславнее, суетнее, опять стал ждать чего-то от своего “таланта” и т.п. ... Вы меня избаловали, разбудили, развратили, и я опять <смог> приподняться на ноги и что-то воображаю о себе» [15, т. 11, кн. 2, с. 474].

Новикова проявляет себя как поклонница преимущественно Леонтьева-художника. «За вашего “Голубя”, – писала она по прочтении новых глав романа “Египетский голубь”, – много простится вам грехов на *этом* и на *том* свете! А когда доведете его до конца – получите всеобщее прощение» [15, т. 11, кн. 2, с. 844]. А в другом письме вспоминала и предыдущий его роман: «Автору “Голубя” и “Одиссея П<олихрониаде>са” стыдно тратить время на политику: это хорошо нам, газетчикам» [15, т. 11, кн. 2, с. 844].

В 1882 г. Новикова стала первой читательницей ряда новых произведений К.Н. Леонтьева – статьи о Л.Н. Толстом, позднее получившей название «Страх Божий и любовь к человечеству», очерка «Пасха на Афонской Горе», новых глав «Египетского голубя» (как мы знаем по одному из леонтьевских писем [15, т. 11, кн. 2, с. 469], работая над этим произведением, он даже советовался с ней о чем-то); знакоилась с пропущенными ею более ранними его работами: «Учусь, вдумываясь в ваш “Панславизм и греки”. Весьма замечательная статья» [ГЛМ].

Интересны прозвучавшие в ее письмах к К.Н. Леонтьеву отзывы о Л.Н. Толстом², о И.С. Тургеневе. После выхода в свет своей рецензии на первое издание писем автора «Отцов и детей» [21] Новикова 18 (30) декабря 1884 г. из Лондона сообщала Леонтьеву: «...я написала длинную статью в Pall Mall Gazette по поводу переписки Тургенева. В Англии на Тургенева чуть ни молятся; он этим пользовался, чтоб распространять недобрую славу о России. Пример: Кропоткин написал *ужасы* о наших

¹ Он начинает посещать семьи Скарятиных, Бреверн де ла Гарди и других.

² «...Его процеженное Евангелие – весьма странное произведение» [16, с. 61]; «Таланта куда как много, а ума (грешный я человек!) – мало!» [ГЛМ].

тюрмамах¹. Статью отправили Тургеневу. Он поспешил уверить корреспондента, что “действительность хуже всего, что могут писать о состоянии России вообще, и что Кропоткин все описывает в розовом свете”. Что вы об этом скажете? Вот я и постаралась провести линию между Т<ургеновым>-писателем и Т<ургеновым>-политическим учителем молодого поколения. Здесь статья имеет большой успех» [ГЛМ].

Новикова интересовалась мнением К.Н. Леонтьева о своих статьях – «Сходство и различие» [19], «Une voix de Russie» («Голос из России») [23] и других. Среди затрагиваемых в переписке литературных сюжетов – обсуждение композиции второго тома сборника статей К.Н. Леонтьева «Восток, Россия и Славянство» (на титуле 1886, вышел в 1885 г.). Письма к Новиковой позволили прояснить ряд моментов творческой истории произведений К.Н. Леонтьева начала 1880-х гг.

Заметные сквозные темы переписки: поддразнивание Новиковой как англофилки и приятельницы У.-Ю. Гладстона и попытки К.Н. Леонтьева сделать собеседницу более церковной. В том и другом случае Новикова отвечала шуткой. Например, такой: «Сегодня, у обедни, не отставала от меня мысль вот какая: отчего это говорят, что “вера спасает”? Как кого: меня спасал скептицизм, оберегая от слишком большой веры в то, чему хочется верить. – Но и это не делу; а то вы, ради праздника, пошлете меня в “жаркие страны” за неправославные мысли» [ГЛМ; другой фрагмент в том же духе см.: 15, т. 11, кн. 2, с. 862].

В 1882 г. К.Н. Леонтьев написал о Новиковой небольшую статью для журнала «Нива» [15, т. 8, кн. 1, с. 19–20] (атрибутировать ее мне в свое время помогли его тогда еще неизданные письма); упоминания о К.Н. Леонтьеве имеются в двух статьях Новиковой, изданных в России и за рубежом [18; 23], но это лишь несколько строк в примечаниях. К.Н. Леонтьев же рассчитывал, что Новикова деятельнее поможет ему своим печатным словом: напишет для «Руси» заметку о его книге «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни» [15, т. 11, кн. 2, с. 486] или представит на западе его двухтомник «Восток, Россия и Славянство». Ничего этого она не сделала, но пару раз пыталась уговорить К.Н. Леонтьева самому написать видным французским критиком Л. Леже или А. Леруа-Болье и послать им свои книги. Между тем, было время, когда Константин Николаевич рассчитывал на нее даже как на душеприказчицу по литературным делам (об этом свидетельствует вручение ей в 1882 г. копии записки «Где разыскать мои сочинения после моей смерти» [15, т. 6, кн. 2, с. 621]. В 1891 г. в записке «Мои посмертные жела-

¹ Интересно, что записки князя-анархиста и рецепция этой книги в викторианской Англии и в настоящее время занимает британских исследователей. См., напр., недавнюю большую статью Бена Филлипса «“A Nihilist Kurort”: Siberian Exile in the Victorian Imagination» (2019) (URL: <https://ore.exeter.ac.uk/repository/bitstream/handle/10871/36075/Ben%20Phillips%20SEER%20article%20FINAL%20VERSION.pdf?sequence=2> (Новикова упоминается здесь)). См. также докторскую диссертацию Кэрола Пикера (Peaker) «Reading Revolution» (2005): (URL: https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:c21af242-f696-4a7c-8f8e-5f9df9ea111c/download_file?file_format=pdf&safe_filename=602450665.pdf&type_of_work=Thesis).

ния» он тоже упомянет Новикову среди лиц, которые могли бы помочь его наследнице в деле распространения сочинений, но назовет ее последней в числе 11 лиц и добавит: «...весьма *хитра* со мною была» [15, т. 6, кн. 2, с. 41].

Последний раз они виделись в конце апреля 1885 г. Могла бы произойти, но по досадной оплошности не состоялась встреча в сентябре 1890 г., когда К.Н. Леонтьев на месяц приезжал в Москву из Оптиной пустыни, где обосновался, выйдя в отставку (письмо Новиковой с сообщением о том, что она будет в Москве, разминулось с адресатом и было прочтено им уже по возвращении). После этого-то и произошел последний обмен письмами, и, видимо, Новикова была удивлена спокойным объяснением К.Н. Леонтьева, что им «не следовало... видеться» – это было бы «духовно не на пользу!» [15, т. 12, кн. 2, с. 521, 522]. Подобное письмо ставило точку в их отношениях, хотя и оставляло возможность продолжения переписки: «...напишите, имеете ли вы экз<емпляры> моего Сборника... Если нет – пришлю» [15, т. 12, кн. 2, с. 523]. Поскольку «экземпляры» имелись, повода к дальнейшему общению не было. В 1891 г. известия о К.Н. Леонтьеве Новикова иногда получала от Л.А. Тихомирова.

В англоязычных мемуарах публицистки [22] К.Н. Леонтьев вообще не упоминается, в отличие от И.С. Аксакова, к разговору о переписке с которым мы теперь и переходим.

Знакомство с будущим издателем «Дня», «Москвы» и «Руси» восходит еще к 1840-м гг., т.е. к детству Ольги, когда московские славянофилы бывали в доме ее родителей. Первое письмо в обширной, но сохранившейся с большими лакунами многолетней переписке¹ можно датировать 1863 или 1864 г. (по упоминанию о польском восстании – «польских инсургентах»). Новикова рекомендует использовать для ответа их западным защитникам вышедшую к 1860 г. книгу британского политика-виг Уильяма Мэсси (1809–1881). Подписано письмо: Знакомая. «Не знаю, известна ли вам весьма любопытная книга под заглавием: *History of England during the Reign of George III by Mr Massey*. В ней описывается, между прочим, возмущение Ирландии и жестокие меры, принятые для выдворения спокойствия и порядка. Все, что польские инсургенты пишут *ложного* о Русском Правительстве, было большею частью сделано *в действительности* английским. Извлечение, или разбор этого сочинения был бы, мне кажется, весьма кстати на страницах русского журнала особенно теперь, когда та же Англия так либеральничает на наш счет» [ИРЛИ].

¹ Письма И.С. Аксакова: НИОР РГБ. Ф. 126. К. 8337а. Ед. хр. 1–13 (1870–1885 и без даты); НИОР РГБ. Ф. 126. К. 8337б. Ед. хр. 1 (недатированные письма, 1864–1885); НИОР РГБ. Ф. 126. К. 8478. Ед. хр. 17 (без даты); письма О.А. Новиковой: ОР РНБ. Ф. 14. Ед. хр. 243 (1876–1884); РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 433 (1881–1882 и без даты). 4 письма И.С. Аксакова (от 21 и 24 марта, 15 июня и 29 ноября <1880> г.) сохранились также в виде копий (РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 28). Три аксаковских письма (от 25 мая 1875 г., автограф которого обнаружить пока не удалось; без даты, ошибочно отнесенное к 1876 г., и от 26 ноября 1884) были напечатаны еще при жизни Новиковой [11]; письма И.С. Аксакова от 3 и 14 октября 1880 г. опубликованы Д.А. Бадаляном [12, с. 154–155].

Следующее по времени из сохранившегося в виде автографов – это два письма И.С. Аксакова 1870 г. Во втором из них славянофил благодарил за письмо, в котором Новикова предостерегала о цензурных карах, грозящих издателю «Современных известий» Н.П. Гилярову-Платонову. Затем наступает перерыв до 1876 г., от которого уцелело по письму с каждой стороны. Всего же вместе на сегодняшний день выявлены автографы 128 писем и записок. Ясно, что писем было гораздо больше.

От общения с К.Н. Леонтьевым сохранились главным образом письма Новиковой, в том числе множество записочек на французском языке. Порой они совершенно не информативны, это просто назначение встреч. Во второй переписке наоборот: преобладают аксаковские обращения. Например: на 64 аксаковских письма определенного периода приходится только 13 корреспонденций Новиковой. Переписка заметно усилилась в 1877 и 1878 г. Отдельный важный сюжет здесь составляет обсуждение речей И.С. Аксакова в Славянском комитете и хлопоты Новиковой о том, чтобы они стали известны на Западе. Не случайно в 1880 г. И.С. Аксаков заметит: «Вы пустили меня в ход по Европе» [РГБ]

Новикова выполняла некоторые поручения И.С. Аксакова (например, распространила в Богемии письмо И.С. Аксакова к Ф.Л. Ригеру¹) и, когда у него снова появилась своя газета, охотно стала в ней сотрудничать. Постоянным ее криптонимом «О.К.» (по девичьей фамилии – Киреева) подписано 15 помещенных в «Руси» статей. 7 из них вышли в 1881 г., 5 приходится на 1882 г. (в их числе большая работа о Т. Карлейле), лишь одна корреспонденция помещена в 1884 г. и две в 1885 г. Нужно учесть, однако, что кроме присылки этих авторских работ Новикова снабжала И.С. Аксакова важной информацией об английской политической жизни, поскольку не все газеты выписывались редакцией «Руси». Откликался И.С. Аксаков и на статьи Новиковой в «Московских ведомостях».

Публикация переписки в полном виде представляет определенные трудности: слишком много здесь недатированных текстов, и по содержанию далеко не всегда ясно, даже к какому году они относятся, лишь изредка их можно «привязать» к той или иной статье Новиковой в «Руси».

Существует два эпизода, когда пересеклись все три имени: Новикова устроила публикацию очерка К.Н. Леонтьева «Пасха на Афонской Горе» в «Руси» [15, т. 6, кн. 2, с. 453–456; т. 11, кн. 2, с. 465]. По этому поводу состоялся обмен письмами, причем аксаковское от 24 апреля 1882 г., в котором убеждения К.Н. Леонтьева назывались ужасными, Новикова пересылала Константину Николаевичу², и у того оно сохранилось в копии [впервые с небольшими купюрами: 15, т. 6, кн. 2, с. 454–455].

¹ Речь идет о брошюре: Послание, полученное И.С. Аксаковым от доктора Ригера из Праги. (В русском переводе). – Ответ И.С. Аксакова доктору Ригеру. [М.: Университетская тип., 1877 (оттиск из газеты «Русский мир»; 1877. № 135, 142).

² 25 апреля она писала: «Пробегите письмо Аксакова и *верните мне его*. Отчего бы не позволить Ив<ан>у Сер<геевич>у вычеркнуть два, три места, которые ему кажутся аскетическими?» [15, т. 11, кн. 2, с. 849]. К.Н. Леонтьев согласился [15, т. 12, кн. 3, с. 370].

Письмо это знаковое: выявляет разницу позиций двух консерваторов по отношению к теме аскетизма. Второй небольшой эпизод, относящийся к тому же 1882 г., – это подготовка примечания о К.Н. Леонтьеве в статью Новиковой «Ральф Эмерсон» [15, т. 11, кн. 2, с. 844–845].

Попробуем выявить основные интенции той и другой переписки и определить сходства и отличия.

Переписка с К.Н. Леонтьевым более личная, даже «интимная». Для общения собеседников, некогда состоявших в близких отношениях, перешедших теперь в приятельство, характерен шуточный тон: «...вижу, что нашему брату русскому мало места остается в сердцах, наполненных *Гладстонами* и К^о» [15, т. 11, кн. 2, с. 459]. Новикова предстает здесь как прекрасная наставница («нимфа Эгерия») и как благодетельница К.Н. Леонтьева. Ольга Алексеевна, действительно, интересовалась его литературными делами, семейными обстоятельствами (она одна из немногих, кто знал в подробностях о душевной болезни его жены), его недугами и т. п., угощала его вареньем из черной смородины. И сама тоже посвящала корреспондента в перипетии своих сложных отношений с мужем и семьей его брата (особенно его женой), болезни сына и прочее. К.Н. Леонтьев по ее просьбе не раз навещал Александра Новикова в Москве.

Есть здесь даже некоторая доля легкого флирта (что совершенно отсутствует в переписке со всегда серьезным И.С. Аксаковым). «Сказал бы: целую крепко вашу руку, но вы слишком еще хороши и моложавы для этого... но вы, конечно, не забыли, что после взятия Царьграда по моему принципу женщины молодые и моложавые *у нас*, почтенных людей, будут целовать руку, а не мы у них» [15, т. 11, кн. 2, с. 36].

Вопреки тому, что сказал о ней И.А. Гончаров, Новикова была глубоко заинтересована в переписке с К.Н. Леонтьевым. Однажды она семью (!) чертами подчеркнула слово «Пишите» [ГЛМ]. Некоторые ее письма значительно пространнее обычно свойственных ей записок на бегу (какими она обменивалась, например, с С.А. Рачинским). Но по большей части, как отметил К.Н. Леонтьев: «письма ваши уж слишком кратки и сухи» [15, т. 11, кн. 2, с. 475]. «Я, кажется, вчетверо больше вашего пишу и не так кратко, как Вы...» – сетовал он [15, т. 11, кн. 2, с. 481]. Очевидно, Новикова хорошо умела добиваться откровенности и «разговорчивости» от других, но сама редко платила тем же.

Переписка с И.С. Аксаковым – по преимуществу деловая, это общение автора (своего рода внештатного лондонского корреспондента) и редактора-издателя. Но и здесь есть «житейская» составляющая: в 1883 г., когда Новикова снова была в Москве, А.Ф. Аксакова тяжело заболела корью; в это время происходил обмен записками о ее состоянии.

Адресованные И.С. Аксакову письма содержат множество материала о текущей политике, о настроениях европейской профессуры; в письме от 12 (24) декабря 1881 г. передан разговор с У.-Ю. Гладстоном. Кстати, письмо И.С. Аксакова от 16 января 1882 г. Новикова в подстрочном переводе направила У.-Ю. Гладстону, о чем сообщила славянофилу.

В переписке с К.Н. Леонтьевым никак не затрагивается «еврейский вопрос», в переписке с И.С. Аксаковым эта тема обсуждается – и таким

образом, что это, пожалуй, составляет вторую трудность для публикации переписки в полном объеме.

Обе переписки хорошо читать параллельно, потому что они в чем-то дополняют друг друга. Здесь есть буквально «параллельные» места, как, например, письма из Мариенбада (сентябрь 1882 г.) с отзывами о французском экономисте и государственном деятеле Леоне Сэе (1826–1896). (Расхожий случай, когда нескольким знакомым сообщают об одном и том же новом впечатлении или встрече.) К.Н. Леонтьеву еще в августе Новикова писала: «Кроме Léon Say, бывшего министра финансов, здесь два члена Парламента, один – Товарищ Министра Иностр<анных> Дел Дизраелевского Министерства, другой – Тов<арищ> Министр<а> теперешнего Кабинета, с которыми я часто гуляю; они – враги, но благовоспитанные, сдержанные и не избегают ни меня, ни друг друга. Я преимущественно слушаю и учусь уму-разуму» [15, т. 11, кн. 2, с. 861]; «...окружена я преимущественно иностранцами; бывший министр финансов Léon Say самый из них выдающийся; но и англичане сообщают мне много любопытного» [ГЛМ].

К.Н. Леонтьев откликается: «Вы пишете о Leon Say? – Кто это такой? – Я ему *очень завидую* и для того, чтоб беседовать с Вами в Мариенбадском лесу, согласился бы на время даже сделаться французским “буржуа”, подобно ему» [15, т. 11, кн. 2, с. 478].

Новикова изумлена и в сентябрьском письме восклицает: «Неужели вы подлинно не знаете ничего о Léon Say? Он принадлежит Истории не менее Египти, с которой сравнивают меня, грешную, вот уже 6 лет, в разных английских газетах. Он (с Тьером) подписал трактат Англо-Германский, замечательный финансист, был Министром во Франции, Послом в Англии. – Обворожительно умен и прост» [15, т. 11, кн. 2, с. 869–870].

Посвященный тому же лицу фрагмент письма к И.С. Аксакову от 3 (15) сентября выглядит так: «Французы – странный народ. Впрочем, я довольно близко сошлась здесь с одним, который очаровал меня своим умом и начитанностью: Это бывший Министр финансов, Léon Say. Он, помните? подписал трактат с Германией в 71 году. Вокруг Léon Say группировалось в Marienbad’е несколько профессоров» [15, т. 11, кн. 2, с. 863]

Но вот другой пример: Новикова летом 1882 г. находится в Москве, и нет необходимости откликаться на неожиданную смерть «белого генерала» М.Д. Скобелева письмом (в переписке с Аксаковым эта тема и не затронута), однако есть записка к К.Н. Леонтьеву со словами: «Как меня поразила смерть Скобелева! Вот потеря-то! Незаменяемая. Не живется на Руси великим людям» [15, т. 11, кн. 2, с. 853].

С И.С. Аксаковым у Новиковой – полное единодушие. Это подчеркивал сам московский славянофил, говоря в письме от 23 октября 1878 г.: «Враги у нас с Вами сильные: Биконсфильд и Бисмарк – и вся мадьяро-немецкая Австрия с своею жидовскою прессою» [РГБ]. В общении с К.Н. Леонтьевым было больше споров. Вот один из их отголосков: «Меня страшит ваш взгляд на Восточ<ный> Вопрос; или вернее: не он меня страшит, а мысль, что никак не удастся мне его напечатать... Ну да вас

не изменишь. Это было бы нечто менее возможное, чем самое необыкновенное чудо!» [ГЛМ; частично: 15, т. 11, кн. 2, с. 871].

Параллельное чтение двух эпистолярных диалогов позволяет прийти к следующему выводу: переписка с И.С. Аксаковым более информативна, содержит больше фактов для истории русской журналистики; переписка с К.Н. Леонтьевым (в лучших ее частях) – интереснее своей внутренней психологической драматургией. С точки зрения же информационной насыщенности, письма Новиковой к К.Н. Леонтьеву дали множество ценных подробностей для «Летописи жизни и творчества» мыслителя [16].

Литература

Исследования

1. *Алексеев М.П., Левин Ю.Д.* В лондонском салоне О.А. Новиковой / Публ. Н.Д. Кочетковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 517–579.
2. *Бородавкина Н.В.* Ольга Новикова глазами современников // Известия Саратовского университета. Нов. сер. 2012. Т. 12.: История. Международные отношения. Вып. 2. С. 58–64.
3. *Ипатов С.А.* [Преамбула к публикации писем О.А. Новиковой к Ф.М. Достоевскому] // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 13. СПб.: Наука, 1996. С. 251–255.
4. *Кутурженко Л.А.* Перипетии англо-российских отношений во второй половине XIX века и одна человеческая трагедия: в поисках Ольги Новиковой // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. М.: ВШЭ, 2008. Вып. 16. С. 71–92.
5. *Токтоңызова Ф.М.* Общественно-политическая и публицистическая деятельность О.А. Новиковой во второй половине XIX – начале XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2017.
6. *Третьякова С.Н.* Лондонский салон О.А. Новиковой: женщина в мире мужской политики // Социальная история. 2013. Вып. 2(2). С. 28–43.
7. *Третьякова С.Н.* О.А. Новикова – «неофициальный посол России в Англии» // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2010. № 4. С. 103–118.
8. *Чикалова И.Р.* Ольга Алексеевна Новикова (1840–1925): «Неофициальный агент русского правительства», или тайный агент России в Лондоне // Российские и славянские исследования: Науч. сб. Вып. 9. Минск: БГУ, 2014. С. 303–311.
9. *Baylen J.O.* Madame Olga Novikov, Propagandist // American Slavic and East European Review. 1951. Vol. 10. No. 4. P. 255–271.
10. *Mellon M.* Friend or Femme Fatale: Olga Novikova in the British press, 1877–1925. PhD Thesis in History. Chapel Hill, 2010.

Источники

11. [Аксаков И.С. Письма к О.А. Новиковой] // Русское обозрение. 1895. Т. 34, авг. С. 838–839; Т. 35, сент. С. 338–340.
12. *Аксаков И.С.* [Письма к О.А. Новиковой, 3 и 14 окт. 1880 г.] // Письма И.С. Аксакова периода основания им газеты «Русь» (сентябрь – октябрь 1880 г.) / Публ. Д.А. Бадаляна // Русская литература. 2007. № 2. С. 155–156.
13. *Гончаров И.А.* Собр. соч. В 8 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1980.

14. Депутат от России: Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой / Сост. W.T. Stead; пер. Е.С. Мосоловой. СПб.: Тип. Т-ва п. ф. «Электро-тип. Н.Я. Стойковой», 1909. Т. 1. [2-е изд. Пг.: Тип. П. Усова, 1915]; Пг.: Тип. П. Усова, 1915. Т. 2. [Впервые: The M. P. for Russia. Reminiscences and Correspondence of Madame Olga Novikoff / Ed. By W.T. Stead. 2 vol. London, 1909].
15. *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем. В 12 т. [19 кн.] / Подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.
16. Летопись жизни и творчества К.Н. Леонтьева (1831–1891). В 2 ч. / Сост. О.Л. Фетисенко. Ч. 2: 1881–1891. СПб.: Владимир Даль, 2022. (Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем. В 12 т. Приложение. Кн. IV).
17. *Новикова О.А.* [Письма к Ф.М. Достоевскому] / Публ. С.А. Ипатовой // Достоевский: материалы и исследования. Т. 13. СПб.: Наука, 1996. С. 255–262.
18. *Новикова О.* Ральф Эмерсон // Русь. 1882. 8 мая. № 10. С. 10.
19. *О.К.* [*Новикова О.А.*] Сходство и различие // Русь. 1882. 10 апр. № 15. С. 10–11.
20. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 8. М.: Наука, 1990.
21. *Novikoff de, Olga.* “The letters of Tourguéniéff” // Pall Mall Gazette. 1884. 29 Dec. № 6177. P. 5–6.
22. *Novikoff O.* Russian Memoires. New York: E.P. Dutton and C^o, 1916.
23. *О.К.* [*Новикова О.А.*] Une voix de Russie. A l’auteur de “Que faire?” // La Nouvelle revue. 1882. Т. XVII. № 4, Juil.-août. P. 939–957.

Fetisenko, Olga L. *Olga Alekseevna Novikova as an interlocutor of I.S. Aksakov and K.N. Leontiev*

References

1. Alekseev, M.P., & Levin, Yu.D. (2009), In the London salon of O.A. Novikova, in: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2005–2006 gody* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2005–2006], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, pp. 517–519 (in Russian).
2. Borodavkina, N.V. (2012), Olga Novikova, through the eyes of her contemporaries, *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, vol. 12, no. 2, p. 58–64 (in Russian).
3. Ipatova, S.A. (1996), [Preamble to the publication of O.A. Novikova’s letters to F.M. Dostoevsky], in: *Dostoevsky: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Studies], vol. 13, Nauka, St. Petersburg, pp. 251–255 (in Russian).
4. Kuturzhenko, L.A. (2008), The vicissitudes of Anglo-Russian relations in the second half of the nineteenth century and one human tragedy: in search of Olga Novikova, in: *Adam i Eva: Almanakh gendernoi istorii* [Adam and Eve: An Almanac of Gender History], HES, Moscow, no. 16, pp. 71–92 (in Russian).
5. Toktonyazova, F.M. (2017), Socio-political and journalistic activities of O.A. Novikova in the second half of the 19th – early 20th centuries, PhD Thesis in History, Moscow State University, Moscow (in Russian).
6. Tretyakova, S.N. (2013), O.A. Novikova’s London salon, *Sotsialnaya istoria*, no. 2 (2), pp. 28–43 (in Russian).
7. Tretyakova, S.N. (2010), O.A. Novikova – “unofficial ambassador of Russia to England”, *Vestnik RUDN, Ser. “History of Russia”*, no. 4, pp. 103–118 (in Russian).

8. Chikalova, I.R. (2014), Olga Alekseevna Novikova (1840–1925): “an unofficial agent of the Russian government,” or Russia’s secret agent in London, in: *Rossiyskie i slavyanskije issledovaniya* [Russian and Slavic Studies: Scientific Collection], no. 9, BSU, Minsk, pp. 303–311 (in Russian).
9. Baylen, J. O. (1951), Madame Olga Novikov, Propagandist, *American Slavic and East European Review*, vol. 10, no. 4, pp. 255–271.
10. Mellon, M. (2010), *Friend or Femme Fatale: Olga Novikova in the British press, 1877–1925*, Chapel Hill.